

Разбитые зеркала

***Елена Лория –
о нападениях на коллег и о том,
почему нужно ужесточать наказание за такие преступления***

Традиционно журналистика считается одной из самых опасных профессий. В том же списке – военные, спасатели, шахтеры и пилоты.

Если журналист гибнет на войне, это, конечно, больно, обидно, несправедливо, но объяснимо. Пуля не выбирает жертву. А рассказывать обо всем, в том числе и о войнах, – это наша профессия. Но журналисты подвергаются нападениям в абсолютно мирных условиях. На улицах, в своих квартирах, в редакциях.

Владислав Листьев был застрелен в подъезде собственного дома, когда поздней ночью возвращался со съемок программы. Прошло уже 22 года. Убийство так и не раскрыто.

Дмитрий Холодов погиб на рабочем месте в редакции «МК» – у него в руках взорвался дипломат с самодельной миной-ловушкой. Прошло 23 года. Убийство так и не раскрыто.

Анну Политковскую убили четырьмя выстрелами в лифте собственного дома. И убийство Политковской – одно из немногих дел, дошедших до суда. Заказчик Лом-Али Гайтукаев умер в колонии в мае этого года.

Но это лишь самые резонансные убийства коллег. А вообще счет идет на сотни. Не говоря уже о нападениях, избиениях, угрозах и оскорблениях. Им нет счета. Еще журналистов берут в заложники. Иногда ценой невероятных усилий с похитителями удается договориться об освобождении, как было в случае с Еленой Масюк. А иногда журналистов казнят, как боевики запрещенного в России «Исламского государства» казнили японского журналиста Кенджи Гото.

Мы, журналисты, уже привыкли, что виноваты во всем. В том, что пишем только о плохом. И в том, что пишем только о хорошем. Виноваты в халатной работе чиновников и несправедливости судов. В коррупции госслужащих и ошибках врачей. Но мы же оказываемся последней инстанцией, надеждой на восстановление справедливости для тех, кто отчаялся добиться правды.

Мы терпеливо выслушиваем сбивчивый рассказ инвалида, которому никак не получить положенной от государства помощи. Мы вникаем в хитросплетения судебных тяжб обманутых дольщиков. Мы добиваемся отмены незаконной сделки, при которой пенсионерка лишилась дорогой недвижимости в центре Москвы. Мы бомбардируем региональных чиновников от медицины, которые не выписывают обезболивающее пациенту с раком четвертой стадии.

А еще мы в незнакомой компании стараемся не афишировать, где и кем именно работаем. Потому что нарвемся или на порцию грубостей – «это вы, журналисты, во всем виноваты», или на просьбу решить очередной нерешаемый вопрос – «вы же журналист, вы обязаны помочь».

Нападение, совершенное в понедельник на журналистку «Эха Москвы» Татьяну Фельгенгауэр, – подлое, отвратительное и тяжкое преступление. И то, что нападавший предположительно нездоров психически, никак не смягчает тяжесть и мерзость этого нападения.

Наш коллега, бывший известинец и депутат Госдумы шестого созыва Борис Резник выступал несколько лет назад с инициативой

ужесточить уголовное наказание за покушение на журналистов. По его инициативе сотрудники СМИ должны были быть приравнены к государственным и общественным деятелям, за посягательство на жизнь которых предусмотрено уголовное наказание на срок от 12 до 20 лет лишения свободы или пожизненное заключение.

Депутаты закон не приняли.

Почему? Ответов тут может быть много. Но мне кажется, они тоже недолюбливают нас, журналистов. Потому что основная функция журналистики – информировать – не всегда им на руку.

Мы ведь как зеркало – показываем и хорошее, и плохое. Но бить зеркала – глупо и непродуктивно. Ведь посмотреть на себя со стороны иногда очень полезно.

Государство не может существовать не только без парламента и правительства, судебной системы и армии, здравоохранения и образования, но и без журналистики. Потому что средства массовой информации – это то, что не позволяет замалчивать проблемы, то, что заставляет задуматься. СМИ действительно часто выступают в качестве четвертой власти.

Да, мы часто бываем неудобными, порой неприятными. Мы вообще очень разные – либералы и государственники, демократы и консерваторы, репортеры и аналитики, поверхностные и глубокие, молодые и не очень. Но всех нас объединяет одно – мы стараемся донести до читателей, зрителей и слушателей информацию. И мстить нам за это – преступление, а пытаться заткнуть – бесполезно, хотя очень многим этого бы хотелось.

В правовом государстве журналист должен быть защищен. И не только законом о печати. Нам действительно нужен закон, который бы защищал нас от нападений, угроз и оскорблений. И если человек будет знать, что за убийство журналиста он сядет пожизненно, а за оскорбления заплатит миллионный штраф, то наши коллеги будут гораздо реже становиться жертвами преступников.

ИЗВЕСТИЯ

23 октября 2017 г.